* * *

за моим кабинетом, распластанным в десять окон,
и за партой того загорелого парня в футболке
утончённый, как сон, просит хода немой рубикон
и клубится, и колет глаза, как большие иголки,

и за этим и каждым студентом, забывшим тетрадь,
за портретом и схемой ненужной английской науки
собирается память, как римская храбрая рать,
мускулистые к небу вздымая красивые руки,

и они там стоят, и за полками книг гордый вождь
смотрит вдаль, далеко за московское серое царство,
и бушует в журнале фамилий бессмысленный дождь,
и вином бродит в войске азартное это коварство,

перейти или нет рубикон, словно сон: где-то здесь
рубикон, как рубин, эта точка в конце коридора,
в кабинете, в который, как в яму, обязан залезть
и дождаться конца для рабочего дня, как позора,

и плестись, чтобы снова вернуться зачем-то туда,
и коней удержать у черты, у границ, у порога,
и увидеть, как точит копыта речная вода
под навесом столичного и ненавистного смога,

и запутаться в этих примерах возможных сторон,
у колен то ли шлем, то ли блещет под лампой корона,
то ли после уроков случился рубиновый сон,
где клубилась вода переменчивого рубикона.

* * *

Когда-нибудь в трамвае ты уснёшь,
Вздохнувши: «Увези меня отсюда».
Не важно, что случится: снег ли, дождь,
Многоколёсная поедет эта груда,
И ты уснёшь внутри неё, как винт,
Уставший от бессмысленной работы,
Теперь ты человек, который спит,
И сны твои разбиты, словно соты,
На равные куски резьбой колёс,
Разрезаны и склеенные мёдом,
Не важно, из чего: цветов ли, слёз,
Ты спишь и едешь к тем медовым водам.
Всё потому, что нужно отдохнуть,
И тело полосатое трамвая
Трудягу-человека в этот путь
Везёт, усами провод обрывая,
Искрит и, завалившись на бока,
Подпрыгивает тот трамвай-трудяга.
Не важно, что случится, но пока
Ту пчёлку из железа тянет тяга,
Пока что спит трудяга-пассажир,
Но наконец доехав, скажем, к другу,
Пчелой разбуженной он выйдет в этот мир,
Другой войдёт в трамвай. И так — по кругу.

* * *

Я люблю тебя, дорогой.
Здесь не нужно заумных метафор.
Господа столпились гурьбой
Фонарями светящихся амфор.

Этих амфор на дне Москвы
Или самых глубоких карманов,
А тоска смотрит глазом совы
Со дна перепитых стаканов.

Вам пора бы уйти, фонари,
По дороге петляющей кромки.
Не сжимай так ладонь, не дури,
Собери белых пальцев обломки.

Подожди — нас оставят вдвоём,
Не прощаясь, окажем почтение.
И в историю их поплывём,
Как латинское изречение.

Господа, господа, господа,
Оставляйте нас с ним в одиночестве.
Я тогда соберусь, как вода,
В его трогательном отчестве.

Я омою его острова,
Утопив его беды и трудности,
И тоскливая эта сова
Возвратится в объятия мудрости.

* * *

Что же замолчал ты и исчез?
Точки две расставлены над веком,
Между ними хмурый зреет лес,
Выращенный тусклым человеком.

Ты теперь в молитвах и беде.
Завтра всё изменится, но всё же
Эта ночь, как лес, и… Боже! Боже!
Как мне перейти его и где?

Если испугался, то молись
Посреди зверей больших и диких.
Прошепчу протяжно: «Появись!»,
И кора сойдёт с дубов великих.

Если вдруг обижен — онемей.
Пролечу не близко и сурово,
И совьётся из земных корней
Дар тобой утерянного слова.

Если же заставлю — вновь придёшь,
Лес шумит и гнёт густые кроны.
Приманю на золочёный грош
И воображаемые стоны.

С этого момента — будь в пути,
Завтра приползёшь больным и грустным
Из лесу, посаженным расти,
Хмурым человеком, злым и тусклым.

* * *

Так пусто не бывало никогда.
Душа моя тоскует, словно рвётся,
И ждёт, что утешения вода
В неё с ладоней Господа прольётся,

Хотя и незаслуженно. Вдали,
За сотни городов от смертной скуки
Морские принимают корабли
Всех пристаней протянутые руки.

Небесная склонённая доска
Ломает много лет Твои предплечья —
И оттого опять весной тоска
Оплакивает холодом увечья.

Но сможет ли Твоя рука принять?
Достаточно тверда для этой ноши?
Ведь если ей печали не объять,
Она меня задушит и раскрошит.

Так что же делать с этой пустотой?
И кто теперь, Господь, в печали вспомнит,
Пока душа моя грустит с надеждой той,
Что всё Твоя любовь собой восполнит?

* * *

Да, есть неполнота и белый плёс,
и я стою за ним и тру глаза от слёз;
вода бесшумно плещется, искрясь,
и я не прячусь, влаги не боясь —
во сне боюсь открытых берегов
и осознания своих широких снов,
а тут стою, раскрыта в первый раз:
песок лежит, лежит на плёсе глаз,

раскрыты волны, ноги раскидав;
глаза болят — теперь я белый столб.
Мой сон ползёт, как медленный удав,
и жалит, бросившись в нагретый солнцем лоб;
натёртые глаза — до красноты —
ослепшие, границ не различают:
куда, позволь спросить, белеешь ты?
И плёс мне белым светом отвечает.
Здесь есть ли я? И свет сильней горит,
простор опять — и жуткий, и опасный —
никто в воде солёной не стоит,
со мною здесь никто не говорит:
тот сон пустой, песчаный и прекрасный.
Я снюсь себе — на самом деле, да —
на одинокий плёс ложатся брызги,
и нет на нём меня, но есть неполнота:
в широком сне и неширокой этой жизни.

* * *

Прокатились бы мы на катере,
по бескрайнему морю плывя —
как по синей с оборками скатерти,
перекрёстки льняные кровя,
мы катались бы до отупения,
и скакал катер вверх, как дельфин,
и тогда ты сказал бы мне: «Ксения,
выходи — я поеду один!».

Эти волны — почти что съедобные,
эту скатерть — расстеливал бог.
Макароны ракушек огромные
присосались на щупальцах ног
к белым стенкам, обитым фанерою,
с непридуманной надписью. Здесь
я сойду, и вот так стану первою
и последней, которой не счесть.

На песке встану крепко. На лодочке,
на плоту и корабликах: там,
где резвятся, как дети, селёдочки
и медузы хрипят по углам —
есть вода, непогода и мания
очень крепких больших якорей,
иллюзорная жажда познания,
очевидная дурь дочерей.

Подождём, это место знакомое:
покатаешься — я закричу…
Ты — окошко, в котором бездомное
солнце в вечер затеплит свечу,
то, что будет к утру занавешено,
и не всякий сумеет войти,
но пока что все мидии бешено
пролагают к тебе пути.

Но потом катер вдруг остановится,
и отправится с мокрым зрачком
рыбья стая — гремя, словно конница,
утончённым своим плавником,
и под ноги вверх брюшками бросится:

Ты сойдёшь по ним, как по мосту,
спросишь: «Что это было? Нам кажется?».
Я кивну… На закатном свету
катер вновь удлинится, разляжется
и примкнёт к золотому хвосту.